

References

1. Buzila V. Gunoiiul – hotar între cultură și natură. În: Homo sapiens și problemele de mediu. Lucrările Conferinței științifice a tineretului studios, 15 noiembrie 2013, Chișinău, 2014, p. 11-16.
2. Coman Gh. Economia mediului. Iași: Prim, 2004. 233 p.
3. Ghinoiu Ion. Sărbători și obiceiuri românești. București, 2002. 359 p.
4. Grădinaru N. Medicina populară din Basarabia de la sfârșitul secolului al XIX-lea – începutul secolului al XX-lea. Aspecte istorico-etnografice. Teză de doctor în istorie. Chișinău, 2015. 200 p.
5. Niculiță-Voronca E. Datinile și credințele popoului roman adunate și așezate în ordine mitologică. Iași, 2015. 942 p.

6. Serzhantov V. F. Chelovek, ego priroda i smysl bytiya. Leningrad, 1990. 360 p.

Natalia Grădinaru (Chișinău, Republica Moldova). Doctor în istorie, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei.

Наталья Грэдинару (Кишинев, Республика Молдова). Доктор истории, Центр этнологии, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы.

Natalia Gradinaru (Chisinau, Republic of Moldova). PhD in History, Centre of Ethnology, Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova.

E-mail: gradinarunatalia23@gmail.com

Андрей ШАБАШОВ

ЭЛЕМЕНТЫ ДВОЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ТЕРМИНОВ РОДСТВА У ГАГАУЗОВ И ДРУГИХ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Rezumat

Analiza sistemului terminologiei de rudenie coexistent la găgăuzi și alte popoare turcice

Scopul articolului de față este analiza termenilor paraleli coexistenți de rudenie la găgăuzi și alte popoare turcice, prin care se denumeau unele și aceleași relații de rudenie. Analiza efectuată ne permite să propunem o ipoteză care constă în aceea că, pe parcursul întregii istorii sociale a omenirii, au coexistat două sisteme terminologice de rudenie. Unul dintre ele în mare parte reflecta ierarhia siocială, iar altul – relațiile biologice reale dintre oameni.

Cuvinte-cheie: termeni de rudenie, sistemul terminologiei de rudenie, rudenie biologică, rudenie socială, limba găgăuză.

Резюме

Элементы двойственной системы терминов родства у гагаузов и других тюркских народов

Целью настоящей статьи является анализ параллельных, сосуществующих терминов родства у гагаузов и некоторых других тюркских народов, которые обозначают одни и те же отношения родства. Проведенный анализ позволяет предложить гипотезу, которая заключается в том, что на протяжении всей социальной истории человечества сосуществовали две системы терминов родства. Одна из них в большей степени отражала социальную иерархию, а другая – реальные биологические связи между людьми.

Ключевые слова: термины родства, система терминов родства, биологическое родство, социальное родство, гагаузский язык.

Summary

Analysis of the dual kinship terminology of the Gagauz and other Turkic peoples

The purpose of this article is to analyze the parallel, coexisting kinship terms in the Gagauz and some other Turkic peoples, that is, those terms that describe the same (or close) kinship relations. The carried out analysis of the kinship terminology of the Gagauz, together with materials in other Turkic languages, allows us to offer an alternative hypothesis. It lies in the fact that throughout the entire social history of mankind, there co-existed two kinship terminology systems. One of them largely reflects the social hierarchy, while the other the biological (genealogical) relations between people.

Key words: kinship terms, kinship terminology system, biological kinship, social kinship, Gagauz language.

В этнологии имеет место дискуссия по поводу первичности в терминологии родства и в отношениях родства либо их биологической, либо социальной составляющей. Согласно первой концепции, в основе первичных отношений родства находятся биологические (генеалогические) связи между родителями / порожденными и другими реально биологически связанными между собой людьми. Впоследствии же эти связи расширились, включив в себя, в том числе, небологические категории, в зависимости от специфики эволюции социальной структуры и социальных отношений в обществе.

Другая точка зрения исходит из того, что первичными являются не биологические, а социальные отношения в группе, лишь позднее сузившиеся до

биологической составляющей. Соответственно, первичные термины родства являлись своего рода «социальной титулатурой», обозначением социальных категорий, определявших, в зависимости от пола и возраста, принадлежность к тому или иному первобытному коллективу, место человека в обществе. Только позднее они наполнились и биологическим содержанием, свойственным им в современных обществах.

Отстаивающий последнюю точку зрения санкт-петербургский исследователь В. А. Попов пишет: «Понятие „родство“ не сводимо к биологическому (кровному, генетическому, реальному) родству, поскольку любая общественная система имеет как социально значимые, так и незначимые кровнородственные отношения. Иначе говоря, наряду с естественным, биологическим родством существует и так называемое социальное родство, которое представляет собой социально обусловленную и санкционированную обществом систему родственных отношений, за пределами которой даже биологически близкие родственники не считаются таковыми <...>».

Обычно различают два основных исторических типа <...> СР [систем родства] – первичный (классификационный, классификаторский) и вторичный (описательный, вертикальный). Первичные СР – групповые и небиологические, вторичные – индивидуальные, совпадающие в значительной степени с биологическими отношениями родства» [9, с. 93]. Этой же точки зрения придерживаются Н. М. Гиренко, Н. А. Бутинов [5, с. 41–50; 3, с. 172–183] и др.

Напротив, О. Ю. Артемова, опираясь на концепцию британского антрополога А. Рэдклифф-Брауна, исходит из того, что «в основе всех классифицирующих номенклатур [родства] лежит “генеалогический базис”, то есть отношения, создающиеся в нуклеарной семье», а в дальнейшем термины, обозначающие близких реальных (биологических) родственников, тем или иным способом расширяются на больший круг лиц (большинство из которых, тем не менее, являются кровными родственниками говорящего лица, пусть и весьма дальними), с которыми человек вступает в социальные контакты [2, с. 129–137; 1, с. 41–47].

Дошло до того, что, например, соавторы одной работы, в которой реконструируется ностратическая терминология родства, признаются в диаметрально противоположных взглядах на характер последней: «...Один из соавторов данной работы (С. В. Кулланда) считает, что генеалогическому счету родства предшествовала половозрастная стратификация, и соответствующим образом трактует семантику праязыковых этимонов, тогда как второй соавтор (А. В. Дыбо) полагает, что генеалогическое родство характерно для самых ранних этапов социогенеза, что, естественно, приводит к несколько иной трактовке имеющихся данных» [6, с. 20].

На мой взгляд, эта дискуссия носит спекулятивный характер, поскольку, при всей ее теоретической важности, она имеет призрачную возможность определенного положительного решения, напоминая дилемму о первичности курицы или яйца. Тем не менее, анализ терминологии родства гагаузов, вместе с материалами по другим тюркским языкам, позволяет предложить еще одну, альтернативную гипотезу, которая заключается в том, что едва ли не на протяжении всей социальной истории человечества в том или ином виде сосуществовали как бы две системы терминов родства, одна из которых в большей степени отражала социальную иерархию, а другая – реальные биологические связи между людьми. Некоторые лексемы, сохраняющиеся у гагаузов, являются отображением такой двойственной системы терминов родства: *ј:сјсь* (в офиц. кириллической орфографии *јүсјз*) «сирота», *кардаш* «брат, младший брат» и его женское производное *кыскардаш* (в офиц. кириллической орфографии *кызкардаш*) «сестра, младшая сестра», а также *јавру* «дитя, ребенок».

Цель данной работы – проанализировать параллельные, сосуществующие термины родства у гагаузов и некоторых других тюркских народов, которые обозначают одни и те же (или близкие) отношения родства, но восходят в одних случаях к биологическим этимонам, а в других – к социальной титулатуре. Работа основывается на полевых материалах автора [13], а также на других лексикографических данных. Понятие «мать» у гагаузов обозначается либо общетюркским термином *ана*, либо (чаще) болгарским заимствованием – *мамо* [13, с. 81–82]. Однако этимонам понятия «сирота» – *ј:сјсь* [13, с. 154] является лексема *ј:*; *-сјсь* – аффикс, образующий от именных основ имена со значением отсутствия, неимения (соответствует русскому без-/бес-). Этот этимон (*ј:*), отсутствующий ныне в гагаузском языке, является видоизменением древнетюркского *ög / ök* 'мать' [8, с. 264].

Ök 'мать' зафиксировано только в древнетюркских языках; др.-уйг. *ök*; ен., крх.-уйг. *ögsüz*, ср.-кыпч., чаг. *öksüz* – 'сирота' [Сравнительно-историческая., 2001, 312, 300]. В современных языках сохранилась только лексема, обозначающая понятие «сирота»: тур. *öksüz*, тур. диал. *ögsüz, ösyz*; кат. *oksüz*, кар. К., кбалк., кум. *öksüz*, кар. Т. *oks'uz'*, кар. К., ног. *öksiz*, кар. Г. *eksiz*, алт. *ösküs* (метатеза), *üsküs*; хак. *ökis*, хак. Саг., шор. *ökküs*, шор. *ükküs* [11, с. 312].

Возникает вопрос, почему в гагаузском и ряде других тюркских языков понятие «сирота» обозначается не с помощью функционирующего в этих языках слова *мать*, а на основе лексемы, давно вышедшей из употребления? И каково соотношение между древнетюркскими обозначениями матери – *ана* и *ög / ök*, учитывая большую древность обоих этих терминов? А. В. Дыбо и С. В. Кулланда первый термин возводят к алтайскому (то есть общеалтайскому)

«*eпа или *ane 'мать / старшая сестра (не бабка)» и даже ностратическому «*eпа 'старшая родственница женского пола, возможно, по мужской линии', возможно 'бабка», а второй – к общеалтайскому *o[k'] e 'жена, сестра, самка' и ностратическому 'жена' (со знаком вопроса) [6, с. 27, 30].

Учитывая эти значения, приводимые А. В. Дыбо и С. В. Кулланда, предполагаю, что в древнетюркском языке сосуществовало две лексемы с пересекающимися значениями – *ana*, обозначающая «социальную» мать, «главную» для эго старшую женщину, и *ög / ök* – «биологическую мать, породительницу» < «самка». Впоследствии социальное значение расширилось и на биологическое; биологическое же сохранилось только в производном понятии, обозначающем сироту, то есть человека, который не имеет именно биологической матери, хотя, возможно, и имеющего мать «социальную».

Хорошо коррелирует с этим и наличие отголовков в гагаузском языке различия биологических и социальных детей. Наиболее распространенным термином в гагаузском языке для обозначения детей (без различия пола) является *ушак*. Вместе с тем, в этом же значении зафиксирована и лексема *йавру* (с. Томай, Республика Молдова) [13, с. 89-90]. Хотя для последней в «Гагаузско-русско-молдавском словаре» приводится только значение 'детеныш'; *айы йаврусу* 'медвежонок' [4, с. 208], нет сомнения, что иногда она, наряду с *ушак*, употребляется и для обозначения человеческих детей.

Судя по этимологии этих терминов, считаю, что изначально слово *йавру* обозначало биологического, порожденного ребенка, тогда как *ушак* имело более широкое значение «социального» ребенка, как биологического, так и приемного, воспитанника. Это вытекает из семантики данных терминов в тюркских языках, *йавру* в различных фонетических формах и значениях присутствует во многих из них: 'детеныш (+ дитя)' (осм. млекопитающих и птиц), (животных), 'младенец', 'молодое животное' (также о рыбах, птицах, насекомых), 'плод в утробе животного'; 'птенец', 'цыпленок', 'малек', 'детва (пчелиная)', 'рой' [16, с. 53]. Через аналогию с детенышами животных (у которых, естественно, нет «социальных» детей), связь с плодом, утробой реализуется семантика биологического характера отношения родства, выражаемого данным термином.

Социальное содержание понятия «ребенок» вполне логично осуществляется через слово, восходящее к тюркскому этимону *уша* 'становиться меньше, мельче', 'раздроблять, разрывать, разбивать', 'мять, тереть, растирать'; *ушақ* – производное имя на -қ имеет значения 'мелкий', 'небольшой', 'маленький', 'размельченный', 'крохи', 'мелкая вещь', 'щепка'; в отношении человека: 'ребенок / дитя', 'мальчик', 'слуга', 'юный', 'молодой', 'молодой человек', 'парень' [10, с. 617-618] – в данном случае преобла-

дают социальные значения – 'молодой', 'младший член общества'. В других тюркских языках эти понятия реализуются и в иных лексемах, на чем здесь останавливаться не будем. Можно лишь отметить, что у наиболее распространенного в тюркских языках обозначения ребенка – *bala* в качестве древнейшего значения зафиксировано 'детеныш животного, птенец', «именно от этого значения образуется глагол *balala*- 'выводить птенцов', ср. также каз. *balala*- 'рожать, окотиться' и т. д.» [11, с. 307].

Еще один термин с «биологической» семантикой – *кардаш*, который в гагаузском языке имеет значение 'брат' (преимущественно, младший) и *кыскардаш* 'сестра, младшая сестра', букв. 'женский брат'. Для обозначения старшего брата и старшей сестры существуют «обязательные» термины – *батў* / диал. *ага* и *каку* [13, с. 102-105], поэтому, строго говоря, они обозначают младшего брата, младшую сестру, хотя, возможно, в некоторых коннотациях, под влиянием соседних народов, обозначение для младших братьев и сестер может распространяться и на всех сиблингов.

Этимология и история тюркского термина родства *кардаш* хорошо известна. Прежде чем перейти к этому, следует сказать, что в общетюркской (древнетюркской) системе терминов родства не существовало обобщенных терминов для брата и для сестры. Характерная для тюрков релятивная система терминов родства, во-первых, не признает категории генеалогического поколения для боковых родственников, термины родства выделены по принципу относительного возраста или «косого родства», а во-вторых, не различает ступеней родства. Выделяется прямая линия родства, а боковые родственники по линии отца (от сиблингов до кузенов, дядей-тетей, дедушек-бабушек, племянников-племянниц любых степеней родства) различаются в зависимости от их возраста относительно говорящего лица и его прямой линии родства [12, с. 122-129; 14, с. 73-92].

Среди мужских родственников наиболее актуальной парой становятся термины для обозначения «мужчины старше эго, но младше его отца» (ими, с «европейской» точки зрения, могут быть: старший родной, двоюродный, троюродный и т. д. брат, коллатеральный дед младше отца, родной и коллатеральный брат отца младше него, племянник старше эго и т. п.) и «мужчины младше эго, но старше его старшего ребенка». Для женских родственников, соответственно, – «женщина старше эго, но младше его отца» – «женщина младше эго, но старше его старшего ребенка». Терминологически чаще всего эти понятия выражались лексемами *ауа / ақа – ini* (с фонетическими вариантами) для мужчин [11, с. 291-293] и *ара – siñil* – для женщин [11, с. 311]. Следовательно, данные термины несут минимальное биологическое содержание, кроме принадлежности их носителей к роду говорящего лица, и релятивная

система родства не нуждается в отдельных понятиях «брат» и «сестра».

Тем не менее, в большинстве тюркских языков имеется лексема *қарындаш* или *қардаш*, с наиболее распространенными значениями «брат и сестра», «брат», «сестра», «соутробник, соутробница», образованная от тюрк. *қарын* «живот; утроба, чрево, брюхо» и аффикса *-даш*, придающего новообразованию значение совместности, соучастия [15, с. 321-323; 11, с. 290-291], которая дублирует «социальные» термины, в том числе включающие понятия старших и младших братьев, старших и младших сестер.

История рассматриваемого термина в разных тюркских языках весьма разнообразна и запутанна, несмотря на то, что он кажется излишним, тем не менее, трансформируясь под влиянием различных социальных условий, он почему-то (?) сохранился в большинстве этих языков: «В большинстве тюркских языков впоследствии этот термин стал общим обозначением для брата – как следствие “мужского шовинизма”, причем в нем преобладает сема ‘младший’. В ряде тюркских языков (каз., ккалп., башк., кирг. и др.) преобладающим оказалось развитие “женской” семантики – ‘младшая сестра мужчины’, ‘племянница по мужской линии’ <...> помимо ‘брат’ появились новые обобщающие значения: ‘родственник’, ‘родня’, ‘двоюродная сестра’, ‘племянница’, ‘приятель, дружище’ и т. д.» [11, с. 290-291].

В западнотюркских языках, как правило, сохранились общетюркские термины для старших родственников, а слово *кардаш* / *кызкардаш* стало обозначать младших родственников, или с помощью последних терминов образуются описательные конструкции для обозначения старших и младших братьев и сестер. Так, у крымских татар старший брат – *агъа* / *акъа*, старшая сестра – *тата* / *мата* / *тяття* / *ана* / *абла* / *абай* / *анте*, а младший брат и сестра – *къардаш* / *хардаш*, либо с различением пола – *огълан-къардаш* – *къыз-къардаш*; *къардаш* также иногда используется для обозначения родственников вообще [ПМА]. У тракайских караимов: *ауагах карындаш* ‘старший брат’, *игитрак карындаш* ‘младший брат’, у балкарцев: *tamada qarnaš* ‘старший брат’, *kiči qarnaš* ‘младший брат’, у кумыков: *ullu er qardaš* ‘старший брат’, букв. ‘большой мужской соутробник’, *gičči er qardaš* ‘младший брат’, букв. ‘малый мужской соутробник’ [11, с. 291].

Таким образом, несмотря на мое скептическое отношение к далеким праязыковым реконструкциям, если не в отношении фонетики, то в отношении семантики, кажется убедительным, что уже на очень древних стадиях развития общества (если не «изначально») параллельно сосуществовали как термины, обозначающие биологическое родство между людьми, так и социальные «термины род-

ства», разграничивающие членов общества по полу и возрасту. В гагаузской терминологии родства такая оппозиция в пережиточных формах сохраняется в терминах *ана*, *мамо* ‘мать, мама’ – *ү:сүсь*, восходящем к древнетюркскому этимону *ög* / *ök* ‘мать, породительница’; *ушак* ‘ребенок’ – *йавру* ‘ребенок, детеныш, порожденный’; *батү* / *ага* ‘старший брат, старший родственник из поколения эго’ – *кардаш* ‘брат, младший брат’, устар. ‘единоутробник’, *каку* ‘старшая сестра, старшая родственница из поколения говорящего лица’ – *кыскардаш* ‘сестра, младшая сестра’, устар. ‘единоутробница’.

Если родительский инстинкт существует у животных (и, видимо, в основном, чем оно более высоко развито, тем более этот инстинкт выражен), вряд ли обоснованно предполагать его отсутствие у человека или его предков. Естественно, этот инстинкт должен был находить свое выражение не только в конкретной практике, но и в языке.

Вполне резонно пишет О. Ю. Артемова: «Этнология не знает таких культур, в которых кровнородственные связи не “выделялись” бы из комплекса социальных связей в целом или не “имели социальной значимости”. Более того, культуры, в которых люди “мать родную не узнают” или, по крайней мере, не считают ее важнее других “матерей”, просто невозможны по определению. Во всех человеческих обществах непосредственные породители, порожденные и те, кто порожден одними породителями, спаяны самыми тесными отношениями (разве что для отдельных культур это будет не совсем верно в отношении породителей мужского пола). <...> в языках народов, имеющих классифицирующие номенклатуры родства, обнаруживаются те или иные лингвистические приемы, с помощью которых подчеркивается подлинность или близость родства, а также обозначаются степени родственной близости. <...> Даже относительно несложный лингвистический анализ, направленный на выяснение буквального значения терминов в классифицирующих номенклатурах, может показать, что это именно термины родства и свойства, так или иначе указывающие на связи по рождению и бракам <...>» [2, с. 136-137].

Среди таких лингвистических приемов для выделения собственных биологических родителей можно отметить разграничение референтивной и вокативной подсистем терминов родства, наиболее характерное для самых близких родственников. Например, в русском языке словом *мама* обозначают именно родную мать, тогда как слово *мать* можно применить и для другой пожилой женщины. То же самое *nana* – *отец*, кстати, эти слова этимологически не связаны. Или в болгарском: вок. *мамо* – реф. *майка* ‘мама, мать’; вок. *тати* – реф. *баща* [башта] ‘папа, отец’. Другое дело, что, как было видно из сказанного, спорным в концепции «Рэдклифф-Брауна – Артемовой» является идея формирования так

называемых классифицирующих систем терминов родства как расширения на больший круг людей биологической терминологии родства. В этом случае необходимо признать, что первичной формой семьи была малая (нуклеарная) семья, что весьма сомнительно. В частности поэтому предполагаю, что оба типа терминологии родства – социальный и биологический – изначально и в дальнейшем так или иначе сосуществовали.

Список сокращений

АР – «Алгебра родства», алт. – алтайский язык, башк. – башкирский язык, вок. – вокативный термин, др.-уйг. – древнеуйгурский язык, диал. – диалектное, ен. – енисейский язык, каз. – казахский язык, кар. Г. – галичский диалект караимского языка, кар. К. – крымский диалект караимского языка, кар. Т. – тракайский диалект караимского языка, кбалк. – карачаево-балкарский язык, кирг. – киргизский язык, ккалп. – каракалпакский язык, крх.-уйг. – караханидско-уйгурский язык, ктат. – крымскотатарский язык, кум. – кумыкский язык, ног. – ногайский язык, осм. – османский язык, реф. – референтивный термин, рус. – русский язык, ср.-кыпч. – средне-кыпчакский язык, тур. – турецкий язык, устар. – устаревшее, хак. – хакасский язык, хак. Саг. – сагайский диалект хакасского языка, чаг. – чагатайский язык, шор. – шорский язык.

Литература

1. Артемова О. Ю. Лукавство или самообман? (о «латеральности» счета родства и о некоторых историко-социологических реконструкциях). В: АР, 1999, вып. 3.
2. Артемова О. Ю. Гармония родства. В: АР, 2006, вып. 11.
3. Бутинов Н. А. Родство: Океанийская модель. В: АР, 1995, вып. 1.
4. Гагаузско-русско-молдавский словарь. М., 1973.
5. Гиренко Н. М. Система терминов родства и система социальных категорий. В: СЭ, 1974, № 6.
6. Дыбо А. В., Кулланда С. В. Ностратическая терминология родства и свойства. В: АР, 2005, вып. 9.
7. ПМА – Полевые материалы автора.
8. Покровская Л. А. Гагаузские термины родства. В: АР, 1995, вып. 1.
9. Попов В. А. Тетраидность и тетраидная теория. Некоторые заключительные замечания. В: АР, 1995, вып. 1.
10. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.
11. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 2001.
12. Шабашов А. В. К проблеме типологизации систем терминов родства некоторых этнических общностей Северной Евразии. В: АР, 1999, вып. 4.

13. Шабашов А. В. Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. Одесса, 2002.

14. Шабашов А. В. Мир родства древних тюрков. В: Науковий вісник Миколаївського державного університету. Вип. 11. Історичні науки. Збірник наукових праць. Миколаїв, 2005.

15. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ». М., 1997.

16. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». М., 1989.

References

1. Artemova O. Yu. Lukavstvo ili samoobman? (o «lateral'nosti» scheta rodstva i o nekotorykh istoriko-sotsiologicheskikh rekonstruktsiyakh). In: AR, 1999, vyp. 3.
2. Artemova O. Yu. Garmoniya rodstva. In: AR, 2006, vyp. 11.
3. Butinov N. A. Rodstvo: Okeaniyskaya model'. In: AR, 1995, vyp. 1.
4. Gagauzsko-russko-moldavskiy slovar'. M., 1973.
5. Girenko N. M. Sistema terminov rodstva i sistema sotsial'nykh kategoriy. In: SE, 1974, № 6.
6. Dybo A. V., Kullanda S. V. Nostraticheskaya terminologiya rodstva i svoystva. In: AR, 2005, vyp. 9.
7. PMA – Polevye materialy avtora.
8. Pokrovskaya L. A. Gagauzskie terminy rodstva. In: AR, 1995, vyp. 1.
9. Popov V. A. Tetraidnost' i tetraidnaya teoriya. Nekotorye zaklyuchitel'nye zamechaniya. In: AR, 1995, vyp. 1.
10. Sevortyan E. V. Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye). M., 1974.
11. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika. M., 2001.
12. Shabashov A. V. K probleme tipologizatsii sistem terminov rodstva nekotorykh etnicheskikh obshchnostey Severnoy Evrazii. V: AR, 1999, vyp. 4.
13. Shabashov A. V. Gagauzy: sistema terminov rodstva i proiskhozhdenie naroda. Odessa, 2002.
14. Shabashov A. V. Mir rodstva drevnikh tyurkov. In: Naukoviy visnik Mikolaiv'skogo derzhavnogo universitetu. Vip. 11. Istorichni nauki. Zbirnik naukovikh prats'. Mikolaiv, 2005.
15. Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie leksicheskie osnovy na bukvy «K», «Қ». M., 1997.
16. Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy «Ж», «Zh», «Y». M., 1989.

Andrei Şabaşov (Odesa, Ucraina). Doctor în istorie, conferenţiar, Catedra de Arheologie şi Etnologie a Ucrainei, Facultatea de Istorie, Universitatea Naţională din Odesa „I. I. Mecinikov”.

Андрей Шабашов (Одесса, Украина). Кандидат исторических наук, доцент, кафедра археологии и этнологии Украины, исторический факультет, Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова.

Andrey Shabashov (Odesa, Ukraine). PhD in History, Associate Professor, Department of Archeology and Ethnology of Ukraine, Faculty of History, Odessa I. I. Mechnikov National University.

E-mail: shebashaga@ukr.net